

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДУХОВЕНСТВО
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

голов, стремились, с одной стороны, повысить свой авторитет в народе, а с другой — использовать влияние суфийских шейхов, чтобы не допустить массовых народных выступлений в связи с обострением классовых противоречий.

¹ Hamdu'llah Mustawfi-i Qazwini. Tarikh-i Guzida. Browne. — GMS. 1910, vol. 14, с. 785.

² Там же.

³ Там же; Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965 (далее — Е. Э. Бертельс), с. 288; С. Д. Рзакулизаде. Мировоззрение Баба Кухи Бакуви. Баку, 1978, с. 30.

⁴ Вассаф-ал-хазрет (Абдаллах ибн Фазлаллах). Китаб-и таджзийат ал-амсар ва таджзийат ал-а'сар. Литограф. изд. Бомбей, 1269 (х.) (далее — Вассаф), с. 636.

⁵ Е. Э. Бертельс, с. 40—41, 44, 47.

⁶ Там же, с. 44—59; В. А. Жуковский. Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. — ЗВОРАО. 1907, т. 13, с. 54—55; он же. Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Саида. СПб., 1899, с. 263—265; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране. М., 1966, с. 324—325.

⁷ Мухаммад ибн Мунаввар. Асрар ат-таухид фи макама т шейх Абу Саид. Изд. Забиаллаха Сафа. Тегеран, 1332 (х.).

⁸ А. А. Сеид-заде. Пир-Хусайн Ширвани. — «ДАН АзССР». 1960, т. 16, № 12, с. 1266.

⁹ В. Сысоев. Древности в Ханека близ сел. Наваги. — «Известия азерб. археологич. комитета». Баку, 1925, вып. 1, с. 50—54.

¹⁰ Там же, с. 55—62; В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир Хусейна. Тб., 1946; А. Алескерзаде. Некоторые замечания относительно ханегахских надписей. — «Известия АзФАН». 1942, № 6, с. 25—29 (на азерб. яз.).

¹¹ Б. Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861, с. 26, 63—64.

¹² Там же, с. 62—63; В. Сысоев. Древности..., с. 60—62, 64—66.

¹³ Б. Дорн. Отчет..., с. 26.

¹⁴ Там же, с. 26; В. Сысоев. Древности..., с. 61—62.

¹⁵ В. Сысоев. Древности..., с. 61.

¹⁶ А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, с. 71.

¹⁷ Вассаф, с. 636.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Е. Э. Бертельс, с. 41.

²⁰ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 58.

²¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 7, с. 361.

²² Камал ад-Дин ибн ал-Фувати. Талхис маджма' ал-адаб фи му'джам ал-алкаб. Ч. 4, кн. 2. Дамаск, 1963, с. 1067; З. М. Бунятов. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978, с. 171.

Т. К. Бейсембиев

ДУХОВЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА В XVIII—XIX ВЕКАХ (по некоторым сочинениям кокандской историографии)

Без углубленного изучения роли и места духовенства в феодальных государствах Средней Азии XVIII—XIX вв. не может быть правильно раскрыта история этого региона. Слабая разработанность и сложность данной проблемы при обширном круге местных источников дают возможность решать ее путем последовательного, постепенного введения в научный оборот и изучения комплексов известий каждой группы светских и религиозных источников (кокандских, бухарских, хивинских и т. д.). Настоящая статья основана главным образом на наиболее ценных и репрезентативных кокандских нарративных исторических источниках: «Та'рих-и Шахрухи», «Мунтахаб ат-таварих», «Тухфат ат-таварих-и хани» и «Та'рих-и джадида-йи Ташканд»¹.

Духовенство Кокандского ханства не имело четких сословных рамок². С ним была связана многочисленная категория ходжей, считавшихся потомками пророка Мухаммада либо одного из четырех правоверных халифов³. В плоскости социальной стратификации верхушка духовенства входила в состав господствующего класса, а низшие слои (например, из числа каландаров) были близки к трудовой массе оседло-земледельческого населения. Духовенство подразделялось на улемов, суфиев (крупнейший орден — накшбандийа), локальные и родовые группировки (ходжи касанские, маргиланские, ташкентские, потомки Махдум-и 'Азама, Ходжи Ахрара и др.). Пестрый социальный состав и сложная структура духовенства определяли неодинаковую социально-политическую ориентацию ее групп.

Духовенство всегда занимало одно из центральных мест в истории Кокандского ханства. Само возникновение ханства было актом смены теократии североферганских (чадакских) ходжей властью узбекской родовой знати⁴. Но и после утраты политической власти духовенство сохраняло огромное влияние на различные общественные слои и держало в духовном порабощении народные массы, в чем была объективно заинтересова-

на центральная власть. Генеалогический анализ, в процессе которого нами была составлена генеалогическая таблица правителей Коканда⁵, показывает, что клан кокандских ханов был тесно переплетен матримониальными и родственными связями со знатью ходжей. Последние, породнившись с правящим домом и став обладателями крупных духовных и светских должностей, играли видную роль в политической жизни Кокандского ханства.

Среди них выделялись представители рода Махдум-и 'Азама. Дети Ишан Хаким-тора-йи Махдум-и 'Азами и глава ветви кокандских мингов (находившейся у власти с 1770 по 1842 г. и в 1844 г.) Нарбута-бий (ок. 1770—1798) имели общую бабушку Ай-Чучук-айим — дочь главы племени кенегес Ибрахим аталыка⁶. Ишан Хаким-тора был связан также с кокандскими мингами через одну из своих жен — дочь Хан-ходжи: она была племянницей жены Абд ар-Рахим-бия (1721/22—1733/34), а через свою тетю — двоюродной сестрой Ирдана-бия (ок. 1751—ок. 1769, с небольшим перерывом). Сыном Ишана Хаким-тора от этой дочери Хан-ходжи был Ма'сум-хан-тора⁷. Двое старших сыновей Ишана Хаким-тора — Ма'сум-хан-тора и Ишан-хан-тора — были женаты соответственно на двух старших дочерях Нарбута-бия⁸. От этих браков у Ма'сум-хан-тора было трое сыновей (старший — Мухаммад Хаким-хан-тора, автор МТ) и две дочери, а у Ишан-хан-тора — сыновья Бузург-хан-тора (умер молодым) и Рустам-хан-тора⁹ (о нем см. ниже). Следовательно, эти дети были внуками Нарбута-бия. Ишан-хан-тора, кроме того, состоял в браке с правнучкой Нарбута-бия (дочерью Шахрух-хана б. Алим-хана б. Нарбута-бия)¹⁰.

Поскольку жена Ма'сум-хан-тора — Афтаб-айим была дочерью Нарбута-бия от его дальней родственницы Минг-айим¹¹, Ма'сум-хан-тора через тещу был связан и с весьма влиятельной в XVIII—первой половине XIX в. ветвью мингов — потомками Фазил аталыка¹². Родословные помогают понять, почему именно эти потомки Махдум-и 'Азама играли в конце XVIII — первой четверти XIX в. большую роль при кокандском дворе. Ма'сум-хан-тора занимал высшую духовную должность шейх ал-ислама¹³. Его брат Ишан-хан-тора в 1810—20-х годах был ходжа-йи калан¹⁴, а сын Хаким-хан-тора в 1823 г. получил управление Тора-курбаном, Наманганом и Касаном¹⁵. В ТТХ указывается, что в правление Алим-хана (1798—1810) и Умар-хана (1810—1822/23) государственные дела находились в руках Ма'сум-хан-тора¹⁶. В 1823 г. он и его сын подверглись опале и были изгнаны¹⁷. Вероятно, их влияние настолько усилилось, что они стали опасными для центральной власти. На это указывает и тот факт, что Афтаб-айим — жена Ма'сум-хан-тора и мать Хаким-хан-тора — потребовала после смерти Умар-хана (1822/23) по праву своего старшинства провозгласить ханом своего малолетнего сына от Ма'сум-хан-тора — Чини-тора¹⁸. Афтаб-айим была младше Алим-хана, но старше Умар-хана

(все трое были детьми Нарбута-бия от Минг-айим)¹⁹. Требование было отклонено, на престол возвели сына Умар-хана — Мухаммад-Али-хана, и вскоре последовала упомянутая опала.

Хаким-хан-тора, обосновавшись в Шахриябзе, племенном владении кенегесов (его родственников со стороны прабабушки Ай-Чучук-айим), написал известную мемуарную хронику МТ²⁰, проникнутую враждебностью к изгнавшему его кокандскому хану Мухаммад-Али. «Подрывная» деятельность изгнанника против хана этим не ограничилась. Он направил в Коканд своего человека — Хаджи каландара, медника. Тот, во время первого вторжения бухарских войск в Фергану в 1841 г. добившись от кокандского хана передачи ему власти на один день якобы для устройства государственных дел, поднял простой народ на восстание. Горожане разгромили 18 дворов приближенных хана, убили дастурханчи (церемониймейстера) и раздели донага бухарских послов. Это поставило под угрозу срыва переговоры с эмиром Бухары. Хотя восстание было вскоре подавлено (а Хаджи каландар казнен)²¹, оно затруднило и без того сложное положение хана, чего и добивались его противники. Этот интересный эпизод показывает, что оппозиционные круги духовенства, ловко используя в своих интересах классовое недовольство, пытались выступать в роли защитников трудовых масс.

С кокандскими мингами были связаны также потомки Лутфаллаха Чусты и Ходжи Ахрара. На двух младших дочерях Нарбута-бия были женаты сыновья Бузург-ходжи Мауланай²² — Зу-л-Фикар-ходжа и Ишан-Хаджи-тора. У последнего от этого брака родилось двое сыновей — Падшах-ходжа (ум. 1270/1853) и Хайраллах-ходжа (ум. 1273/1856) — и две дочери²³. На Афтаб-хан — дочери Алим-хана б. Нарбута-бия — был женат Саййид-ходжа б. Махмуд-хан-тора-йи Ахрари. На одной из дочерей Саййид-ходжи от этого брака был женат брат Худайар-хана (годы правления Худайар-хана: 1844—1858, 1862—1863, 1865—1875) Султан-Мурад-бек, а на другой — племянник (из рода Ходжи Ахрара) Саййид-ходжа²⁴.

Как свидетельствует генеалогический материал, ходжи трех знатных родов — Ходжи Ахрара, Махдум-и 'Азама и Лутфаллаха Чусты — были больше связаны с ветвью Нарбута-бия. Это отражало наивысшее влияние их при дворе в период правления ханов данной ветви. С переходом трона в 1842 г. к ветви Шир-'Али-хана б. Хаджи-бия²⁵, правившей с весьма небольшими перерывами весь последний период Кокандского ханства (до 1876 г.), когда возросла политическая роль ферганских кочевников, влияние рассматриваемых ходжей резко снизилось. Не удивительно, что некоторые из них были теперь среди оппозиционных группировок. Падшах-ходжа и Рустам-хан-тора как внуки Нарбута-бия безуспешно выступали претендентами на кокандский трон (первый — в 1847 г., второй — в 1855 и 1862 гг.)²⁶.

В условиях двух противостоявших потестарных субкультур — оседло-земледельческой и кочевой — в едином политическом организме Кокандского ханства духовенство выступало в целом как самостоятельная сила. Оно не только лавировало в политической борьбе²⁷, но и пыталось осуществить идеи теократии. Между 1799 и 1803 гг. против Алим-хана поднял мятеж правитель Чуста, потомок Лутфаллаха Чусты — Бузург-ходжа. Хану удалось подавить выступление и умертвить Бузург-ходжу лишь после второго похода²⁸. В 1842 г., когда Ташкент и Курама отложились от Кокандского ханства и находились под управлением ставленника эмира Бухары Мухаммад-Шариф аталыка, из Коканда в Кураму прибыл Хашим-ходжа (сын Иунус-ходжи — правителя Ташкента в конце XVIII — начале XIX в., до кокандского завоевания); он поднял восстание и занял крепость Кереучи, но был осажден войсками Мухаммад-Шариф аталыка. Вскоре, в результате похода кокандских войск против Мухаммад-Шариф аталыка, Ташкент и Курама вновь оказались под властью Кокандского ханства²⁹. Прибегая к поддержке Коканда, потомок Ходжи Ахрара — Махмуд-хан-тора (ок. 1806—1813) пытался удержать власть над Ура-Тюбе, а белогорские ходжи, совместно с которыми действовали на важных постах ближайшие родственники Махмуд-хан-тора, в 1826—1827 и 1830 гг. хотели установить господство в Восточном Туркестане, также не без помощи кокандских военачальников³⁰.

Различные группировки духовенства оказывались иногда в противоположных лагерях. Например, если верхушка северо-ферганских ходжей из рода Махдум-и 'Азама и Лутфаллаха Чусты, лишившись былого могущества, нередко находилась в оппозиции к центральной власти (независимо от того, обладали ли ею светские оседлые феодалы или родо-племенные вожди), то ташкентская городская знать, в том числе духовенство, искала у центральной власти (прежде всего, у оседлых феодалов) поддержки от засилья владетелей кочевой округи Ташкента, помогала центральной власти бороться с ферганскими кочевниками³¹.

В свою очередь, другие политические силы старались любыми способами использовать духовенство³² вплоть до выдвижения выходцев из его среды, имевших родственные связи с кокандскими правителями, претендентами на ханский трон (см. выше).

Оценка В. В. Бартольдом мусульманской теократической идеи «как идеала, не имеющего ничего общего с действительной жизнью, или как орудия политических стремлений»³³ справедлива и для Кокандского ханства. Родо-племенная знать, установившая власть кокандских правителей, навязала оседло-земледельческому населению тюрко-монгольскую государственно-правовую традицию. Последняя, опираясь на идеологическое наследие Чингисхана и Тимура и отражаясь в ле-

генде о происхождении кокандских ханов³⁴, утверждала примат светской власти над духовной. Эта традиция, материально подкрепленная не только светской властью правителей Коканда, но и военной мощью кочевого элемента, была господствующей на протяжении всей истории ханства. Поэтому теократические тенденции в Кокандском ханстве были обречены на провал, чему способствовало также деление духовенства на политические группировки, ставившие различные задачи. Остается добавить, что теократические притязания духовенства были одним из проявлений политической нестабильности и внутренней слабости Кокандского ханства.

В процессе присоединения Кокандского ханства к России интересы духовенства, военных и других зажиточных слоев Коканда ущемлялись, подрывалась духовная монополия ислама в его воздействии на местное население. Поэтому духовенство оказывало этому объективно прогрессивному процессу ожесточенное сопротивление. Так, одним из военачальников в экспедиции кокандских войск для отвоевания Ак-Мечети (конец 1853 г.) был Мухаммад-Карим-шейх, имевший чин пансадбаши (пятисотенник)³⁵. Не кто иной, как автор ТДТ — Мухаммад Салих-ходжа Ташканди, принимал активное участие в военных действиях в Ташкенте. В его труде упоминается ряд духовных лиц, участвовавших в боях за этот город³⁶. Разжигая религиозные чувства мусульманского населения, духовенству удавалось, как и при других обстоятельствах, увлечь за собой и простой народ³⁷.

Таким образом, в ходе присоединения Средней Азии к России политика духовенства, будь то деятели ортодоксального ислама, будь то представители дервишских корпораций, объективно была направлена на сохранение многовековой замкнутости по отношению к европейскому миру и застойности среднеазиатского общества.

Анализ богатого материала сочинений кокандской историографии по духовенству позволяет сделать вывод о его в целом реакционной роли. Дальнейшая разработка данного вопроса с привлечением сочинений агиографических и тех, что излагают учения суфийских орденов, функционировавших в Фергане, послужит всестороннему освещению как истории Средней Азии и Восточного Туркестана, так, возможно, и проблемы причин отставания Востока во всемирно-историческом процессе.

³⁴ Та арих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца. Казань, 1885 (далее — ТШ); Мухаммад Хаким-хан-тора. Мунтахаб ат-таварих. Рукопись ЛО ИВ АН СССР С—470 (далее — МТ); 'Аваз-Мухаммад. Тухфат ат-таварих-и хани. Рукопись ЛО ИВ АН СССР С—440 (далее — ТТХ); Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Та'рих-и джадида-йи Ташканд. Рукопись ИВ АН УзССР № 5732 (далее — ТДТ). Привлечены также другие сочинения кокандской историографии: Таджир. Гарайиб-и сипах. Рукопись ИВ АН УзССР № 5408 (далее — ГС); Али Кундузи. Таварих-и манзума. Руко-

пись ИВ АН УзССР № 597 (далее — ТМ); Абд ал-Гафур. Зафар-нама-йи Худайар-хани. Рукопись ИВ АН УзССР № 598 (далее — ЗНХ); Мирза Алим. Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин. Рукопись ИВ АН УзССР № 1314 (далее — АСТХ).

² Подробнее об этом (каландар мог быть медником, шейх — военачальником в звании пансадабаша) см. ниже. Ср. А. Л. Троицкая. Из прошлого каландаров и мадахов в Узбекистане. — Домусульманские верования и обыряды в Средней Азии. М., 1975, с. 199, 218.

³ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969, с. 499.

⁴ ТШ, с. 17—21. См. также: Т. К. Бейсембиев. «Байан-и таварих-и хаванин-и шахр-и Хуканд» как исторический источник. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР». Нукус, 1977, № 4, с. 62—64.

⁵ В генеалогическую схему, составленную на основе главным образом кокандской историографии, включены 171 член дома кокандских мингов — от полулегендарного Алтун-Бишика (начало XVI в.) до внуков Худайар-хана (начало XX в.), а также 2 самозванца. К данной статье приложено пять фрагментов из этой сводной схемы, характеризующих связи кокандских мингов с духовенством.

⁶ Ай-Чучук-айим, она же Кенегас-айим, состояла в первом браке с кокандским правителем Абд ар-Рахим-бием мингом (1721/22—1733/34), от которого имела дочь Ай-Джан-айим; во втором браке — с его братом Абд ал-Карим-бием (1733/34—1750/51); в третьем браке — с Ишаном Артуку-ходжой Махдум-и 'Азими, от которого имела сына Ишана Хаким-тора. От брака Ай-Джан-айим с ее двоюродным братом Абд ар-Рахман-бием мингом родился Нарбута-бий (МТ, л. 340б—341а, 343б, 346а—б).

⁷ МТ, л. 357а; ТТХ, л. 62а, 68б.

⁸ ТТХ, л. 87а—б, 98а—б.

⁹ ТТХ, л. 87б, 193а.

¹⁰ ТТХ, л. 129б. От этого брака был Махмуд-хан, погибший в возрасте около 40 лет во время бури по пути в Каратегин (там же).

¹¹ У прапрадеда Нарбута-бия, Ашуркул аталыка, был брат Фазил аталык, прапрадед Минг-айим (ТТХ, л. 48а—б, 87а). Его не следует путать с Фазил-бием йузом, правителем Ура-Тюбе в середине XVIII в.

¹² Правнук Фазил аталыка и дядя Минг-айим — Ирискули-бий (Ирискули-бек старший) при Ирдана-бие управлял Маргиланом, участвовал в возведении на трон и свержении с него Сулайман-бия (ок. 1769) и в возведении Нарбута-бия, выдал за последнего свою племянницу Минг-айим (МТ, л. 348а—349б; ТТХ, л. 52а, 69а). Ирискули-бий (Ирискули-бек младший), дядя по матери (тага) Алим-хана (1798—1810), т. е. брат Минг-айим, был крупным военачальником у последнего, участвовал в заговоре против него и возведении Умар-хана (1810—1822/23); затем организовал заговор против Умар-хана чтобы занять его место, но замысел раскрыли, и Ирискули-бий младший был казнен примерно в 1810 г. (ТТХ, л. 110а, 121б—123а; ТШ, с. 45, 78—79, 88). Его сын Мухаммад-Назар-бек был военачальником у Шир-Али-хана (1842—1844) (ТТХ, л. 233б, 240а). Махлар-айим, известная в поэзии под тахаллусом Надира (дочь Рахманкули-бека б. Имамкули-бия б. Дусткул-бия б. Раджаб-бия б. Фазил аталыка), приходившаяся племянницей Минг-айим и Ирискули-бию младшему, была женой Умар-хана и матерью Мухаммад-Али-хана (1822/23—1842) (ТТХ, л. 108б—109а; А. Каюмов. Кукон адабий мухити. Тошкент, 1961, с. 218—234). Ее отец Рахманкули-бек управлял при Алим-хане Анджианом (МТ, л. 381а; ТТХ, л. 108б). Брат Махлар-айим — Хал-бек (Хали-бек) носил в конце правления своего племянника Мухаммад-Али-хана звание кушбеги (МТ, л. 663б; ТТХ, л. 224а, 226б). Еще один представитель ветви Фазил аталыка — Абдаллах-бек — пытался в 1852 г. со своими сторонниками численностью около 1500 человек захватить кокандский трон, но был убит (ЗНХ, л. 10а; ТТХ, л. 297б—298а). По ТТХ (л. 297б), его отцом был Худайкули-бек, что, очевидно, неточно. В ЗНХ (л. 10а) Абдаллах-бек назван дядей по матери (тага) Мухаммад-Али-хана. Но, вероятно, это не совсем так. Согласно ТШ (с. 187), Абдаллах-бек — сын Сайидкули-бека (Сандкул-бий), который был дядей Умар-хана (А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинско-

го владения в XIX в. Душ., 1964, с. 27) скорее всего с материнской стороны, т. е. Сайидкули-бек был братом Минг-айим и дядей Махлар-айим. Тогда Абдаллах-бек действительно являлся дядей (двоюродным) Мухаммад-Али-хана со стороны его бабушки Минг-айим.

¹³ Назначен в 1233/1817 г. (ТТХ, л. 171б).

¹⁴ Назначен в 1233/1817 г., занимал эту должность и в год смерти эмира Хайдара, т. е. в 1826 г. (ТТХ, л. 171б, 206б—207а).

¹⁵ ТТХ, л. 191б.

¹⁶ ТТХ, л. 192а.

¹⁷ МТ, л. 505б—514б; ТТХ, л. 192а—195б.

¹⁸ ГС, л. 11а—б.

¹⁹ МТ, л. 364а.

²⁰ МТ, л. 678б, 679б.

²¹ Весь эпизод см.: МТ, л. 658б—659б; ТТХ, л. 223б—224а.

²² Мауланой называли Лутфаллаха Чусты (МТ, л. 338а).

²³ МТ, л. 367б; ТТХ, л. 87б; ТМ, л. 71б, 81б.

²⁴ ТТХ, л. 129а; ТШ, с. 10б.

²⁵ Хаджи-бий был младшим сводным братом Нарбута-бия (МТ, л. 356а; ТТХ, л. 62б).

²⁶ Стремясь провозгласить Падшах-ходжу ханом в период господства кипчаков в Кокандском ханстве (пост мингбаша занимал тогда Мулла Хал-бек кипчак), знатные кокандцы Мухаммад-Иар, курбаша, Гази дадхак, Мирза Афиз дадхак, Худай-Берган афтабачи Коштегирман составили заговор, который, однако, был раскрыт кипчаками; некоторых заговорщиков убили, часть из них бежала из Коканда (АСТХ, л. 68б—69а). Событие датируется, по ТМ (л. 54а—55а) и ТТХ (л. 277б—278а, 282а—283а), временем между отставкой и новым назначением Мусулманкула в 1263 г. х. (20 декабря 1846 — 8 декабря 1847 г.) на пост мингбаша, который находился в этом промежутке в руках Мулла Хал-бека кипчака. Заговор с целью возведения на трон Рустам-хан-тора в 1855 г. возник в годы первого правления Худайар-хана. Он также был раскрыт. Часть его участников казнили, остальных вместе с Рустам-хан-тора выслали в Каратегин (АСТХ, л. 93б—94а). Вторично Рустам-хан-тора пытался стать ханом в разгар борьбы Худайар-хана с Алимкулом (В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 198).

²⁷ Так, во время борьбы Худайар-хана с главами киргизов и кипчаков в 1862—1863 гг., по существу, нейтрально-выжидательную позицию занял Хазрат-и Ишан Сахиб (ТШ, с. 24б—24г; В. В. Бартольд. Извлечение из «Та'рих-и Шахрухи». — Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1964, с. 354—355). Об Ишан Сахибе см. также примеч. 32.

²⁸ МТ, л. 367б—370а; ТТХ, л. 92б—93а; В. Наливкин. Краткая история..., с. 79—80; Л. А. Зимин. Первые шаги Алим-хана на государственном поприще. — Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 17-й. Таш., 1913, с. 105—106. Бузург-ходжа назван зятем (дамад) Нарбута-бия, что, возможно, неточно, так как известно, что зятьями Нарбута-бия были двое сыновей Бузург-ходжи.

²⁹ ТТХ, л. 245а—б, 250б—253а; ТШ, с. 144—153.

³⁰ ТТХ, л. 111б, 142б—150б, 199б—202а, 208а—209а; ТШ, с. 103, 114—120; А. Мухтаров. Очерк истории..., с. 26—27; Б. П. Гуревич. Междоусобицы в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979, с. 245—254; Т. К. Бейсембиев. Известия «Та'рих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане. — Актуальные проблемы советского уйгуроведения. А.-А., 1983, с. 244—250.

³¹ ТШ, с. 148—152, 232—236; В. В. Бартольд. Извлечение..., с. 353—354.

³² Например, в 1844 г., когда главы ферганских кипчаков подошли с войском к Коканду, намереваясь взять власть, Шир-Али-хан направил на переговоры с ними Хазрат-и Сахиба — главу ордена накшбандийа в Коканде (ТШ, с. 132, 167—169). Несколько позднее кипчацкие предводители, захватившие власть в Фергане, использовали другое духовное лицо — Хазрат-и Мийан Халил Сахиба, направив его с посреднической миссией в Ташкент к Сарымсак-хану. В результате этой важной миссии Сарымсак-хана заманили

в Коканд и вскоре убили (1263/1846), а власть кипчаков распространилась на Ташкент (ТШ, с. 177—179; В. В. Бартольд. Извлечение..., с. 350).

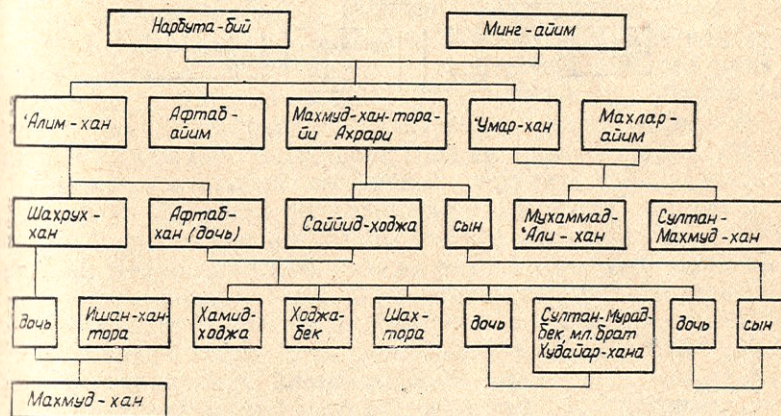
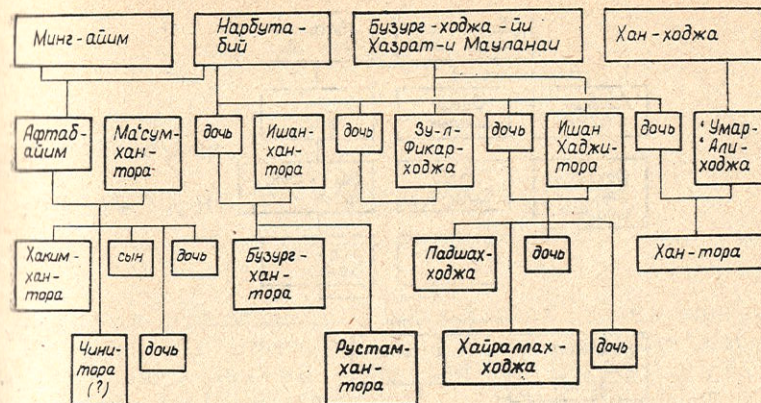
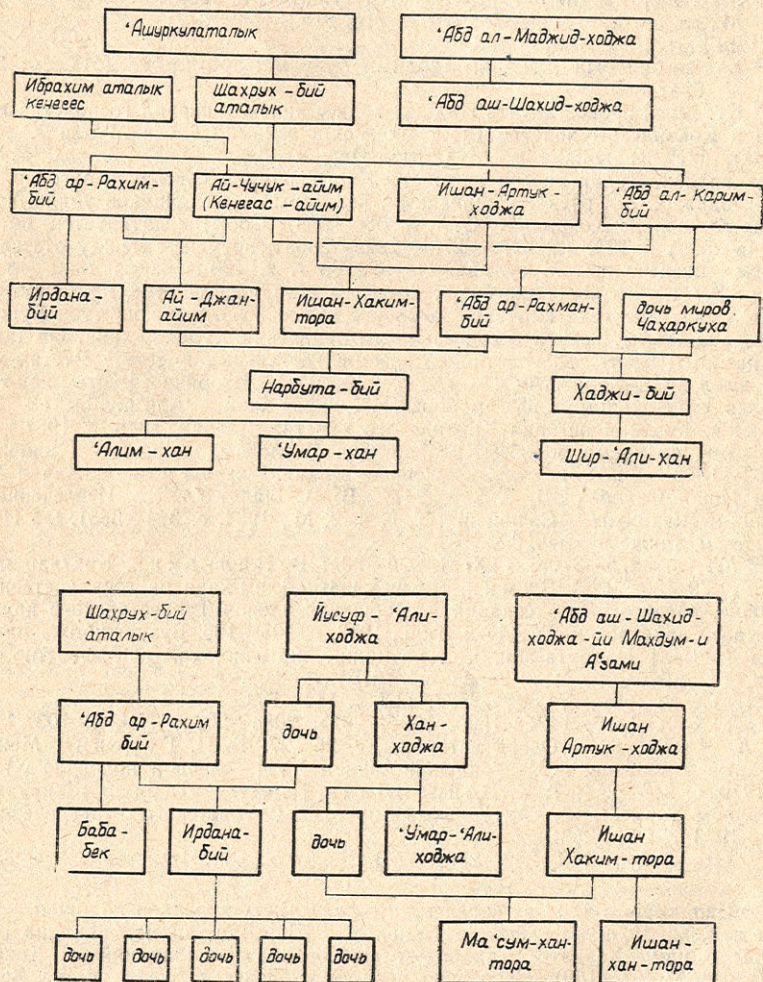
³³ В. В. Бартольд. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.— Сочинения. Т. 6. 1966, с. 316.

³⁴ Т. К. Бейсембиев. Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии (на материалах сочинений кокандской историографии).— Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. А.-А., 1983, с. 94—105.

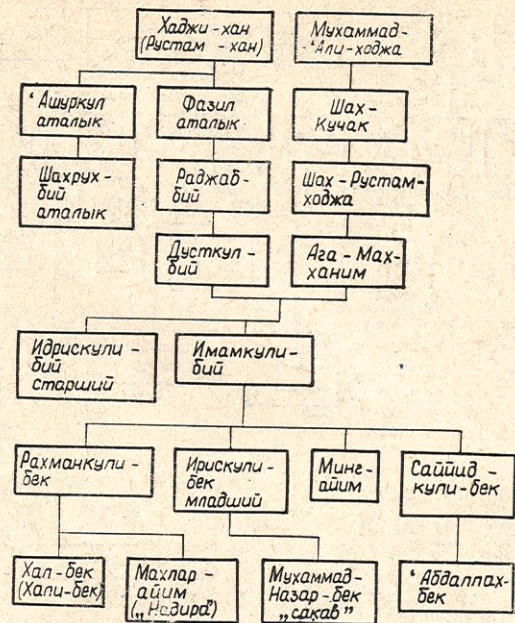
³⁵ ТТХ, л. 3106—3116.

³⁶ ТДТ, т. 1, с. 271—272, 280, 297—298, 314, 320—322, 354—361, 366.

³⁷ Там же, с. 262, 270, 291, 301—302.

(пятая схема на с. 46.)

А. Н. Болдырев

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХОДЖА-АХРАРЕ

Жизнь и деятельность Ходжа-Ахрара давно привлекает к себе внимание отечественных ученых. Первыми научными сообщениями о нем мы обязаны В. Л. Вяткину, Н. Г. Маллицкому и Н. И. Веселовскому, которые подготовили почву для углубленных исследований В. В. Бартольда¹. Первоначальная оценка Ходжа-Ахрара принадлежит В. Л. Вяткину, первому ученому, использовавшему как средневековые исторические источники, так и рукописные жития Ходжа-Ахрара. Согласно этой оценке, высказанной почти 80 лет тому назад, «заслуга Ходжа-Ахрара как государственного деятеля заключается главным образом в том, что в течение целого ряда лет, пользуясь громадным влиянием на удельных правителей по эту сторону Аму-дарьи, [он] употреблял все свои силы на прекращение междоусобных войн между ними, всегда готовыми по самому незначительному поводу вступить в братоубийственную войну. Он много содействовал тому, что Самарканд, Ташкент и Фергана наслаждались относительным спокойствием по здешней мерке. Он охотно являлся там, где нужно мирить. Вообще нужно сказать, что, пользуясь своим исключительным положением в государстве, он употреблял свою власть к торжеству справедливости»². В свою очередь, Н. Г. Маллицкий отмечает «огромное и благотворное влияние» Ходжа-Ахрара на Тимуридов, которое «можно сравнить со значением митрополита на Руси в удельную эпоху»³.

Начало критического отношения к Ходжа-Ахрару было положено В. В. Бартольдом в процессе подготовки работы «Улугбек и его время»⁴. В. В. Бартольд унаследовал от своих туркестанских предшественников и от Н. И. Веселовского признание исключительных заслуг как самого Ходжа-Ахрара, так и всей суфийской организации накшбандийя в «защите интересов народных масс» от разбоя и хищнического произвола тюрко-монгольских феодалов тимуридского времени. Вместе с тем, по мнению В. В. Бартольда, победа Ходжа-Ахрара, «деревенского шейха», означала победу варварства над высокой городской культурой эпохи Улугбека.

Двойственная оценка Ходжа-Ахрара, предложенная В. В. Бартольдом, была подвергнута критике в редакционном

Главный редактор:

Сафар Абдулло (Казахстан)

Редакционный совет:

М.М. Ауэзов (Казахстан)

М.Х. Абусейтова (Казахстан)

Т.К. Бейсембиев (Казахстан)

А.К. Акишев (Казахстан)

Мехди Санои (Иран)

Фаридун Джунайди (Иран)

Асгар Додбех (Иран)

Иброхим Динони (Иран)

Сафархони (Иран)

Акбар Турсунов (США)

Саторзода Абдунаби (Таджикистан)

Абдуманон Насреддинов (Таджикистан)

Шодмон Вахидов (Узбекистан)

Садри Саадиев (Узбекистан)

О.Ф. Акимешкин (Россия)

Ш.М. Шукуров (Россия)

Р.М. Шукуров (Россия)

А.Ш. Кадырбаев (Россия)

Г. Асатрян (Армения)

Э.Ш. Хуршудян (Армения)

А.А. Арсланова (Татарстан)

Представители журнала в городах:

Р. Шукуров (г. Москва)

И. Павлова (г. Санкт-Петербург)

Г. Асатрян (г. Ереван)

А. Саторзода (г. Душанбе)

А. Насреддинов (г. Ходжент)

Ш. Вахидов (г. Ташкент)

С. Саадиев (г. Самарканд)

М. Санои (г. Тегеран)

Корректор:

О. Фомина

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ и ФИЛОСОФИЯ

1. Реза Ша'бани

Дар иранцев мировой цивилизации

2. Д-р Джалал Халик Мутлак

Иран в эпоху древности

3. Сейед Хосейн Наср, профессор Университета им. Джорджа Вашингтона

Философское учение Молласадро
(продолжение)

4. Тимохин Д. М.

Местные династии Ирана периода
монгольского нашествия на примере
Атабеков Кермана.

5. Бейсембиев Т. К.

Малые владения в Мавераннахре: Нур-Ата,
Ургут, Яккабаг (XVIII – XIX вв.)

6. Кадырбаев А. Ш.

Иранские народы в Китае: история и
современность

7. Шукуров Ш.М.

Диалог и монолог

8. Хабибулла Хаджи Абдоррахман

Роль иджтихада в решении новых сложных
проблем религиозно-правового характера

ЯЗЫК и ЛИТЕРАТУРА

9. Пеншти Аальто

Имя «Ташкент»

10. Андриюшкин А. П.

Литературное взаимодействие современных
России и Ирана: близок ли новый расцвет?

МАЛЫЕ ВЛАДЕНИЯ В МАВЕРАННАХРЕ: НУР-АТА, УРГУТ, ЯККАБАГ (XVIII – XIX вв.)

*Посвящаю моему глубокоуважаемому и дорогому старшему другу,
достойнейшему уроженцу славного Ургута, кандидату филологических
наук доценту Юсуфу Ишанкуловичу ИШАНКУЛОВУ
и его благородному семейству*

Отличительной чертой Средней Азии накануне присоединения ее к России была политическая дезинтеграция. История государственных образований и их взаимоотношения с различными родоплеменными группировками, контролировавшими в то время оседло-земледельческие оазисы, исследованы еще слабо. Это относится как к ранней эпохе, так и к периоду XVIII—XIX вв. Однако вряд ли возможно составить представление о тенденциях развития региона без воссоздания сложной картины его политической структуры.

Подобно тому, как признают, что без тщательного исследования истории карликовых государств (Duodezfürstentümer) в этот же период в Германии, премьер-министром одного из которых – герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах – был такой человек как Гёте, ее национальная история выглядела бы сухой абстракцией, аналогичный подход к проблеме должен быть правомерен и для Средней Азии. Между тем, если крупные среднеазиатские государства этого времени (Бухара, Коканд и Хива) изучены сравнительно лучше, этого нельзя сказать о малых государствах, таких, как Ура-Тюбе и Шахрисяб.

Что же касается мелких владений (Нур-Ата, Ургут и Магиан и др.), то интереснейшая история этих уделов до сих пор вовсе не изучена,¹ т. к. сведения о них очень скудны. Отсюда неудивительно, что отдельные микровладения, например, Яккабаг, где правила особая династия, остались вообще незамеченными ориенталистами. С другой стороны, крупные специалисты – В. В. Бартольд, С. Г. Агаджанов, Я. Г. Гулямов и Б. Х. Кармышева, – подчеркивая важность специального изучения таких владений, как Нур-Ата, смогли сделать лишь первые, предварительные шаги в этом направлении.

Основными источниками моей статьи послужили малоизвестные, неопубликованные бухарские и кокандские персоязычные хроники и документы XIX в., хранящиеся (нередко в единственном списке) в рукописных собраниях Ташкента, Душанбе и Санкт-Петербурга – Та'рих-и салатин-и узбакиййа-йи аштарханиййа ва мангитиййа, Та'рих-и Хумули, Та'рих-и ава'ил-у-авахир, Зафар-нама-йи Хусрави, Тухфат ат-таварих-и хани и некоторые другие.

НУР-АТА

Расположенный в маловодной местности в 150 км, или в трех караванных переходах², к северо-востоку от Бухары и 256 км к северо-западу от Самарканда близ Нуратинских гор на границе с пустыней Кызылкум, небольшой вилайет Нур с центром в нынешней Нур-Ате был издавна известен как военно-стратегический пункт, расположенный на древнем пути в

¹ Из заслуживающих внимания археологических и этнологических публикаций по Нур-Ате отметим: Кармышева Б. Х., Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта. — Советская этнография. № 1. Январь – февраль. М.: Наука, 1964, с. 6–21; Кармышева Б. Х. Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта. В кн.: Полевые исследования Института этнографии. М.: Наука, 1978, с. 142–158; Гулямов Я. Г. Нур бухарский. В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 133–138.

² МТ, л. 261а.

Мавераннахр с севера.³ В X веке в нем была ставка первых Сельджукидов до того времени, пока они не переселились в Хорасан и не основали там свою великую империю⁴. Во время похода Чингисхана на Бухару великий завоеватель пощадил Нур за то, что он покорился без сопротивления, и взял с его жителей лишь подать наличными – 1500 динаров – сумму, которую Нур выплачивал в казну Хорезмшахов⁵. Свое название этот вилайет получил от имени святого Нур-Ата, культ которого в Средней Азии почитался наряду с культами Ходжа Ахмада Йасави, Баха ад-Дина наکشбанда и других святых.⁶

Если в конце XVII в. наместником Нур-Аты назван Тирмизи-бек из племени джалайир⁷, то в XVIII веке вилайет Нур-Ата принадлежал племени буркут, происходившему из Дашт-и Кипчака. В XV в. это племя играло важную роль в государстве кочевых узбеков во главе с Абу-л-Хайр-ханом (1428–1468). Например, правителями города Тара (на Иртыше), который впоследствии стал столицей Абу-л-Хайр-хана, были Адаб-бек буркут и Кепек-бий буркут. Племя буркут активно поддерживало внука Абу-л-Хайр-хана – Мухаммад Шайбани-хана: ведь его мать была из этого племени⁸. Повидимому, к XVIII веку значение этого племени заметно снизилось, поскольку ему досталось в удел такое относительно небольшое владение, как Нур-Ата. В Та'рих-и салатин-и узбакиййа-йи аштарханиййа ва мангитиййа содержится несколько рассказов о взаимоотношениях правителя Нур-Аты Тагай-Мурад-бия буркута с повелителем Бухары Мухаммад-Рахим-ханом мангытом (1748–1758). Рассказы изложены в живой форме и отражают устную бухарскую историческую традицию о событиях середины XVIII в.⁹ В них отмечается, что после неудачных попыток бухарских войск овладеть Нур-Атой (осаде препятствовало отсутствие воды вокруг этого оазиса) стороны пришли к компромиссу: Тагай-Мурад-бий признал власть мангытов, стал приближенным Мухаммад-Рахим-хана, а племя буркут сохранило за собой свое владение, где правил младший брат Тагай-Мурад-бия Йадгар-бий¹⁰.

По мере укрепления центральной власти в Бухаре значение Нур-Аты как независимого племенного удела постепенно падало. В XIX в. мы уже не находим среди правителей этого вилайета ни одного представителя племени буркут – вместо них там сидели наместники, назначаемые из Бухары, например, Мулла Кал Мухаммад-бий афган (1809–1812)¹¹, Хаким-бий кушбеги мангыт (между 1835 и 1839), 'Абд ал-Гаффар-бек йуз (1868), 'Абд ал-Ахад, сын бухарского эмира Музаффара (между 1868 и 1885) и др. Неудивительно, что буркуты принимали участие в выступлениях узбекских племен против центральной власти. Так, в 1823, во

³ О хорошем знакомстве с этим вилайетом в культурной мусульманской среде в домонгольский период свидетельствует следующий любопытный рассказ из анонимного персоязычного сочинения начала XIII в. 'Аджа'иб ад-дунйа: «В горах Нур есть птица меньше воробья. Она живет в городах и в селениях. Всюду, где увидит что-нибудь золотое или серебряное, ворует, несет к себе в гнездо и прячет, пока не наполнит его. Потом строит себе другое гнездо, вместо хвороста использует в нем серебро. Народ той области все время ходит и ищет гнезда этой птицы. То, что находят [в них], забирают; половину отдают правителю, другую оставляют себе» ('Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критический текст, перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Л. П. Смирновой. М.: Наука, 1993, с. 154).

⁴ Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991, с. 233.

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга вторая. Пер. с перс. О. И. Смирновой. Редакция проф. А. А. Семенова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 204–205.

⁶ Так, в 1847 бывший правитель Туркестана Кана'ат аталык совершил паломничество на мазары Хазрат-и Нур-Ата и Ходжа 'Абд ал-Халика Гидждувани по пути из Туркестана в Бухару (ТДТ, л. 478а).

⁷ Тирмизи С. Дастан ал-мулук, с. 98.

⁸ Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. – В кн.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Выпуск I. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954, с. 24.

⁹ ТСУ, л. 29а–б, 32б–33а, 39а–б (поля).

¹⁰ Там же, л. 29а–б.

¹¹ Согласно Та'рих-и амиран-и мангит-и Бухара (л. 593а), Кал-Мухаммад-бий афган был настолько близким человеком эмира Шах-Мурад-хана, что и тот, и другой разговлялись вместе, а сын эмира, будущий эмир Хайдар, им прислуживал!

время восстания хитай-кипчаков Мийанкала (район Самарканда) против бухарского эмира Хайдара (1800–1826), Аталык-бек йуз поднял мятеж против эмира и назначил в крепость Учма Бай-Мурада буркута. Зимой 1823/24 эмир Хайдар выступил в поход и взял Учму после недельной осады.¹²

В XIX в. в горах Нур-Аты добывали мрамор, который использовали на строительстве главной мечети в Ташкенте.¹³

В ходе русского завоевания Средней Азии бухарским эмирам удалось удержать за собой Нур-Ату, которая входила в состав эмирата вплоть до 1920, затем в 1920–1924 была в составе Бухарской народной республики, после чего вошла в состав Узбекской ССР. В колониальный период Нур-Ата была глухой провинцией эмирата. В 1870-х гг. в ней орудовала банда разбойника по имени Бабанг (букв. «твой дедушка»), состоявшая из 40 человек и отбиравшая на Самаркандской дороге треть стоимости верблюжьего груза. Банду удалось схватить лишь благодаря внезапному нападению на ее логово русского военного отряда. Эмир Музаффар приказал казнить всех разбойников, а Бабанга сбросили с высокого минарета.¹⁴

УРГУТ

Лежащий у подножья Зерафшанского хребта в 44 км к юго-востоку от Самарканда Ургут также, как и Нур-Ата, был одним из древних оседло-земледельческих оазисов. В IX в. в районе Ургута был очаг несторианской культуры (в его окрестностях найдена несторианско-христианская надпись, датированная «1206 годом Александра», что соответствует 895 году христианской эры¹⁵); и именно на месте Ургута, по мнению В. В. Бартольда, следует искать следы несторианского селения Вазкерд, существовавшего в X веке, по указаниям географов Истахри и Ибн Хаукала.¹⁶

В XVIII–XIX вв. Ургут был владением узбекского племени минг. Мингам принадлежал также Джум‘а-базар (25 км к юго-востоку от Самарканда, примерно на полпути из Самарканда в Ургут): в 1827 хакимом Джум‘а-базара был Санакул-бек минг.¹⁷ Источники приводят достаточно полный перечень и достаточно удовлетворительную хронологию и генеалогию правителей Ургута из этого племени. Самым ранним известным из них был Аллах-Йар-бий минг (он же – Алла-Берди парваначи минг¹⁸), убитый по приказу Аштарханида ‘Убайдаллах-хана в 1704 или 1705¹⁹. Пост правителя Ургута передавался по мужской линии – от отца к сыну.

Вплоть до 1820-х гг. беки Ургута активно сопротивлялись центральной власти Бухары, вступая в союзы с ее противниками, несмотря на то, что ок. 1800 г. Ургут постигло сильное землетрясение, полностью разрушившее там крепостные стены и здания. Известно, что Ургут был захвачен бухарскими войсками и находился в их руках до 1822, а беки Ургута нашли убежище в крепости Магиан (в 40 км от Пенджикента вверх по течению реки Зерафшан). Неясно, существует ли связь между природным бедствием и этим захватом. В 1813 по просьбе беков Ургута и Шахрисябза кокандский правитель Умар-хан совершил поход в верховья Зерафшана в их поддержку против бухарского эмира Хайдара²⁰. Беки Ургута приняли активное участие в восстании

¹² Та’рих-и ава’ил-у авахир, лл. 486–49 а.

¹³ ТДТ, л. 914а, 917а.

¹⁴ Та’рих-и амиран-и мангит-и Бухара, л. 655а–б.

¹⁵ Tardieu M. Un site chrétien dans la Sogdiane des Sâmanides – Le monde de la Bible, 199, mai-juin 1999, pp. 40–42.

¹⁶ В. В[яткин]. «Где искать Визд?» – ПТКЛИА, № 4, 1900, с. 159–164.

¹⁷ Та’рих-и ава’ил-у авахир, л. 576.

¹⁸ В 1700-х гг. человек под этим именем управлял Ургутом и Самаркандом (Убайдулла-наме, с. 34, 36, 61–62).

¹⁹ Убайдулла-наме, с. 34–38.

²⁰ ТТХ, л. 806.

хитай-кипчаков против центральной власти (1821–1825). В 1822 Катта-бий б. Йулдаш-бий минг при поддержке кенагасов Шахриябза осадил Ургут, находившийся в руках бухарских мангытов, и овладел им. Затем Катта-бий захватил Джум‘а-базар, а в местности Нозандак (в 3–4 км от Самарканда) построил крепость, вступил в союз с кипчаками, осадил Самарканд и стал играть руководящую роль в этом восстании. Однако зимой 1822/23 эмиру Хайдари удалось отбить Джум‘а-базар, убить сына Катта-бия Баба-Мурад-бека и еще 200 человек и принудить Катта-бия к миру. Хотя Катта-бий вынужден был отдать свою дочь замуж за Насраллаха, сына Эмира Хайдара, Катта-бию все же удалось сохранить за собой Ургут.²¹

Впоследствии, когда перевес сил сложился в пользу центральной власти, ургутские беки занимали, как правило, лояльную позицию, за что им жаловали звание парваначи – двенадцатое в восходящем порядке в пятнадцатиступенчатой придворной иерархии Бухары²². Как вассалы эмира, они принимали участие в его походах, например, в 1842 – на Фергану²³. Вероятно, за подобную службу они продолжали сохранять свой вилайет как наследственное владение вплоть до конца мая 1868, когда Ургут был взят штурмом русским отрядом полковника Абрамова и присоединен к недавно образованной Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи²⁴.

В первой половине XIX века в Ургуте жил и творил Мулла Джум‘акули «Хумули» Ургуты, известный своею персоязычной хроникой Та‘рих-и Хумули, в которой описаны различные местные происшествия, в частности, взаимоотношения ургутских правителей с местными шейхами, а также события в Самарканде и Бухаре во второй половине XVIII – первой трети XIX в.

ЯККАБАГ

Крепость Яккабаг располагалась в бассейне реки Кашкадарья в восточной части Каршинской степи, между Карши и Шахриябзом, на территории древней области Кеш. В первой половине XVIII в. эта область была совместным владением узбекских племен мангыт и кенагас. Западная ее часть (от Карши до Чиракчи) принадлежала мангытам, а восточная (включая Шахриябз и Китаб) находилась под контролем кенагасов, один из кланов которых – абаклы (абаклы, авахлы) владел Яккабагом, Така и Сурхабом²⁵. В Та‘рих-и салатин-и узбакиййа-йи аштарханиййа ва мангитиййа отмечается, что правители клана абаклы происходили из другого племени и поясняется: «происхождение миров абаклы таково, что сначала они происходили из каракизов, но у них не осталось достойного человека. Из народа чигыр вышел отважный муж Касим-бий и некоторое время правил Яккабагом» (لوا مک دوب نان چ ىلقابا نارىم لصا) «مکى رد تقو دن چ دىمارب رىلد درم ىب دىساق رىغى چ مدرم زا و دىنامن لىباق سىک امن ازا و دىوب زىقارق مدرم زا (دىمار تىموکح غاب)». Он-то и основал династию правителей абаклы²⁶. Численность этого клана в середине XVIII в. составляла всего 300 семей. После временного покорения мангытами всей области Кеш при Мухаммад-Рахим-хане (1748–1758) абаклы оставили Кеш и перешли в

²¹ Та‘рих-и ава‘ил-у авахир, лл. 466–476, 50а; Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг. Источники и опыт их исследования. Л.: Изд-во АН СССР, 1937 (Труды Института востоковедения. XXVIII), с. 73–75.

²² Это звание в 1820-е гг. носил Катта-бий (АТ, 1186; МТ, 235а and 4956; ТАМ, 266; ТДН, 7556; ТТХ, 776, 796, 806, 84а и 1126; ШУ, 86, 83а and 86а), а в 1841–42 – его преемник – ‘Адил-бек минг (АТ, 146а; МТ, 3006; ТДН, 779а и 7846).

²³ ТТХ, л. 168а.

²⁴ ТТХ, л. 336б; Павлов Н. История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных государств. Ташкент: Типография при канцелярии Туркестанского Генерал-губернатора, 1910, с. 132. Русские источники отмечают, что власть ургутских беков была наследственной, и от бухарского эмира они зависели номинально; что «ургутцы защищались необыкновенно упорно; несмотря на незначительность городка, бой продолжался до 3 часов пополудни до взятия нами цитадели» (Павлов Н., Указ. соч., там же).

²⁵ ТСУ, л. 4а (поля). Согласно А. Куну, кенагасы делились на пять главных родов: тарахли, каирасанли, очамайли, авахли и чуют (Кун А. Очерки Шахриябзского бекства – Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии, том 6, СПб, 1880, с. 217–218).

²⁶ ТСУ, л. 4а (поля).

Хисар под покровительство Мухаммад-Амин-бия из племени йуз, но спустя некоторое время между последним и абаклы возник конфликт, и абаклы вернулись в Яккабаг.

Сопоставление кокандских и бухарских хроник позволяет выделить кенагасский род абаклы в отдельную, фактически независимую маленькую династию, основанную упомянутым Касим-бием и сидевшую в Яккабаге вплоть до 1870. На это указывает факт заключения оборонительного союза против Бухары между кенагасским правителем Шахрисябза и владельцем Яккабага в 1843²⁷. В следующем 1844 году эмир Бухары Насраллах организовал поход против них. Только после того, как эмир применил артиллерию, он овладел штурмом Яккабагом и разграбил его²⁸. В войнах Шахрисябза с Бухарой крепость Яккабаг, как правило, первой принимала на себя удар мангытских войск. Поэтому между Яккабагом и Шахрисябзом всегда существовали союзные отношения. В 1861 Яккабаг, оказав упорное сопротивление армии эмира Музаффара, вновь был взят, разграблен бухарскими войсками, а значительная часть его жителей – истреблена²⁹. В этих военных действиях погиб находившийся на службе у бухарского эмира Касим-бек мингбаши, в прошлом известный кокандский военачальник³⁰. Население крепости Яккабаг составляло тогда всего лишь 500—600 семей.³¹

Несмотря на такие тяжелые испытания, Яккабаг и позже продолжал оставаться очагом сопротивления бухарским эмирам в области Кеш: в 1868 эмир Музаффар вновь овладел Яккабагом и разорил его за то, что его правитель вступил в союз с правителями Шахрисябза против Бухары³². Последним независимым правителем Яккабага был Мухаммадкули токсаба. Звание токсаба было седьмым в восходящем порядке в пятнадцатиступенчатой придворной иерархии Бухары, что указывает на сравнительно невысокий иерархический статус правителей Яккабага: для сравнения, беки Ургута носили звание парваничи, 12-е в восходящем порядке, а некоторые правители Шахрисябза добились даже звания аталыка – высшего звания в пятнадцатиступенчатой иерархии старой Бухары.

В 1870 крепость Яккабаг вместе с Шахрисябзом окончательно перешла в руки бухарского эмира. Это стало возможным благодаря тому, что на стороне эмира в военной кампании участвовали русские войска, овладевшие Шахрисябзом в сентябре 1870³³. Мухаммадкули токсаба нашел убежище в Коканде.³⁴

История малых племенных владений в XVIII—XIX вв. проливает дополнительный свет на политическую историю Мавераннахра, показывая сложные иерархические взаимоотношения центральной власти, которую олицетворяли бухарские эмиры, с племенными владельцами. Стремясь сохранить максимум своих привилегий, племенные вожди активно сопротивлялись централизаторской политике бухарских мангытов, ради этого объединяясь между собой в союзы, обращаясь за поддержкой к Кокандскому ханству – главному сопернику Бухары в Средней Азии и т. д. В этих условиях старые родоплеменные связи, например, между родом абаклы Яккабага и кенагасами Шахрисябза приобретали характер прочного политического союза против центральной власти.

У каждого из рассмотренных владений была своя судьба. Чем отдаленнее и неуязвимее от Бухары оказывалось владение, тем дольше оно сохраняло свою независимость и замкнутость.

²⁷ Зафар-нама-йи Хусрави, л. 123б.

²⁸ Там же, лл. 126а–131а.

²⁹ МФ, с. 163; ТДТ, лл. 543б–544б.

³⁰ ТДН, л. 795а.

³¹ ТДН, л. 800б.

³² Тарих-и салатин-и мангитийа, с. 112–113 (л. 104б).

³³ ТДТ, лл. 716б и 757а.

³⁴ Там же, 757а–б. В 1874 он еще находился на кокандской службе и участвовал в подавлении выступления против Худайар-хана (там же, л. 777а).

Быстрее всего была подчинена Бухаре Нур-Ата. Беки Ургута в обмен на лояльность и удачный династический брак смогли выговорить для себя выгодные условия и носить одно из высших званий Бухарского эмирата – парваначи. Дольше всех сопротивлялось Бухаре маленькое владение Яккабаг, благодаря удобному географическому положению и союзу с родственными им правителями Шахрисябза. Возможно, утверждением о своем особом происхождении вожди абаклы старались подчеркнуть независимый статус рода абаклы среди кенагасских родов.

Сравнение бухарских придворных званий, которые носили в XIX в. правители Яккабага (токсаба), Ургута (парваначи) и Шахрисябза (аталык), вскрывает иерархию этих уделов в политической системе Мавераннахра. Для наглядного сопоставления, если передавать эту иерархию терминологией западноевропейского средневековья, то положению главы Яккабага соответствовал бы ранг владетельного барона, статусу правителя Ургута – титул ландграфа, а повелителя Шахрисябза – титул князя (Fürst) или герцога.

Несмотря на определенные успехи бухарских эмиров Хайдара (1800–1826) и Насраллаха (1827–1860) в объединении Средней Азии, только русское завоевание смогло положить конец системе племенных уделов в Средней Азии как политического института.

История последних дней существования малых владений (1868–1870) показывает, что исчезновение их с политической карты Средней Азии произошло в силу того, что, оберегая традиции племенных уделов с присущими им воинственностью, периодическими междоусобицами, вольницей и бравирующим поведением в отношении более сильных соседей, упорно сопротивлялись любым покушениям на свои племенные привилегии, что в корне противоречило проводимой в Туркестанском крае унификации вновь завоеванных владений Российской империи. Взятие русскими войсками Шахрисябза в 1870, передача его и Яккабага эмиру Музаффару как русскому вассалу (равно как и согласие царской дипломатии на захват эмиром Гиссара, Куляба, Каратегина и Дарваза в 1870–1879) напоминают медиатизацию (Mediatisierung), широко проводимую Наполеоном в Германии в 1803–1810, когда в результате изъятия земель у мелких князей (Duodezfürsten) «Священной Римской империи» и передачи их крупным правителям и союзникам (Баварии, Бадену, Вюртембергу и др.) Наполеон расширил за счет мелких владений территории своих союзников³⁵, вошедших в Рейнский союз – объединение ряда германских государств, созданное под протекторатом Наполеона и являвшееся орудием имперской политики Франции в Германии.

Несмотря на значительные социально-экономические и политические преобразования и перемены в последующие периоды (конец XIX – XX в.), клановые отношения в бывших мелких владениях Средней Азии сохранились вплоть до настоящего времени. В этом факте следует видеть актуальность специального изучения истории малых племенных уделов Средней Азии, которые, к тому же, составляют ныне предмет дорогой памяти и истинной гордости для местного населения этих районов.

По вопросу о том, какие методы следует использовать при изучении малых владений Мавераннахра и каким аспектам следует уделять первостепенное и особое внимание, очень полезным должен быть богатейший опыт разработки истории малых владений в Германии XVI – начала XIX веков, накопленный немецкими историками за два последние столетия.³⁶

³⁵ Как известно, это способствовало ликвидации «Священной Римской империи» (1806) и сокращению к 1815 числа германских государств с 360 до 39.

³⁶ Фундаментальным трудом до сих пор служит работа Эдуарда Веце: Vehse E. Geschichte der kleinen deutschen Höfen Bde. 1–14. Hamburg, Hoffmann u. Campe, 1856–1860 (особенно интересен раздел о многочисленных медиатизированных владениях, Bde. 6–10). Ценны и другие специальные работы, мною лично просмотренные: Tumbült, G. Das Fürstentum Fürstenberg von seinen Anfängen bis zur Mediatisierung im Jahre 1806. Freiburg, Bielefelds Vlg., 1908; Stemmler E. Die Grafschaft Hohenberg und ihr Übergang an Württemberg (1806). Stuttgart, Kohlhammer, 1950; Visch W.F. Geschichte der Grafschaft Bentheim, Heimatverein, 1986; Stockert H. Adel im Übergang. Die Fürsten und Grafen von Löwenstein-Wertheim zwischen Landesherrschaft und Standesherrschaft 1780–1850 (Veröffentlichungen der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg B 144). Stuttgart, Kohlhammer, 2000, и целый ряд других.

Для ориентирования в изложенных материалах мною составлена сводка просопографических и генеалогических данных о правителях и наместниках Нур-Аты, Ургута и Яккабага с учетом всех доступных источников (т. е. бухарских, кокандских и других). Для сопоставления приложена таблица придворных рангов Бухары XIX – начала XX в.

“ТАБЕЛЬ О РАНГАХ” БУХАРЫ конца XIX—начала XX в. *

ЗВАНИЕ	СТЕПЕНЬ В ВОСХОДЯЩЕМ ПОРЯДКЕ
АТАЛЫК	XV
КУЛЛИ-И КУШБЕГИ	XIV
ДИВАНБЕГИ	XIII
ПАРВНАЧИ	XII
СИНАК	XI
ДАДХВАХ	X
БИЙ	IX
ИШИК-АКАБАШИ	VIII
ТОКСАБА	VII
МИР (-И) АХУР/ МИРАХУРБАШИ	VI
КАРАВУЛБЕГИ	V
ДЖИБАЧИ/ДЖИВАЧИ	IV
МИРЗАБАШИ	III
ЧУХРА-АКАСИ/ЧУХРА-АКАБАШИ	II
АЛАМАН/БАХАДУР	I

Титул первых четырех званий – *ихлас-асар* (“отмеченный знаками искренней преданности”).

Титул лиц с пятого по восьмое звание – *мубаризат* (также вульгарная перестановка: *мубазират*)-*панах* (“убежище войны”).

Титул лиц с девятого по тринадцатое – *имарат-панах* (“убежище эмирской власти”).

Титул двух высших чинов – *вазарат-панах* (“убежище визирства”).

ПРАВИТЕЛИ И НАМЕСТНИКИ НУР-АТЫ

ДАТА УПОМИНАНИЯ (ПО ХИДЖРЕ/Н.Э.)	ИМЯ (В СКОБКАХ: КЕМ НАЗНАЧЕН)	ИСТОЧНИКИ
1096/1685	Тирмизи-бек джалаир	Дастур ал-мулук, 98
1740, 1745, 1750-е гг.— ок. 1759	Тагай Мурад-бий буркут	ТСУ, 15а, 18а-б; ХУМ, 1936, 201а
1750-е гг.	Йадгар-бий, брат предыдущего (Мухаммад Рахим-ханом мангытом)	ТСУ, 296

* Источник: Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. – Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1954 (Труды АН ТаджССР, т. XXV), с. 60–61.

после 1759	Бай Мурад-бий, брат Тагай Мурад-бия буркута	ХУМ, 201а-б
1809, 1812	Мулла Кал Мухаммад-бий афган	Та'рих-и амиран-и мангит-и Бухара, 593а; Tarikh-i-Manazili-Bukhara, 31
Ок. 1835/6 или 1839 (короткое время)	Хаким-бий кушбеги (Насраллахом, эмиром Бухары)	МТ, 267а; ТДН, 763б
1868	‘Абд ал-Карим-бек ибн Мирза Бурхан-бий	Та'рих-и салатин-и мангитийа, 98а
1868	‘Абд ал-Гаффар	Радлов В. В. Из Сибири, 574, 576
между 1868 и 1885	‘Абд ал-Ахад-хан ибн Эмир Музаффар бухарский	Та'рих-и амиран-и мангит-и Бухара, 652а

ВЛАДЕТЕЛИ УРГУТА И МАГИАНА

ДАТА УПОМИНАНИЯ	ИМЯ	ИСТОЧНИКИ
1704	Аллах Берди минг	Убайдулла-наме, 36
1740-е гг. – до 1785	Муса-бий ибн Аллах Йар-бий минг	ХУМ, 159б–160а, 194а, 198а, 201б, 207а
1790-е гг.	[Низам ад-Дин Мухаммад] Йулдаш-бий [кушбеги ибн Муса]	МТ, 355а; ТТХ, 34а; ХУМ, 239а
1813, 1822, ок. 1827	Катта-бек парваначи минг ибн Йулдаш-бий минг	АТ, 118б; МТ, 235а, 495б; ТАМ, 26б; ТДН, 755б; ТТХ, 77б, 79б, 80б, 84а, 112б; ШУ, 8б, 83а, 86а
1841–1842	‘Адил-бек дадхах/парваначи минг	АТ, 146а; МТ, 300б; ТДН, 779а, 784б

ГЛАВЫ ЙАККА-БАГА

ДАТА УПОМИНАНИЯ или СРОК ПРАВЛЕНИЯ	ИМЯ	ИСТОЧНИКИ
?	Касим-бий, глава племени абаклы, по происхождению он – из племени чигыр	ТСУ, 4а (поля)
?	Сафар дадхах, старший сын Касим-бия	Там же
?	Кабил-бий, младший брат Сафар дадхах	Там же

?	Иш Пулад-бий ибн Сафар дадхак	Там же
6 месяцев	‘Абд ас-Самад-бек, младший брат Иш Пулад-бия	Там же
25 лет	Тагай ибн Иш Пулад-бий	Там же
53 года, 1842	Йадгар диванбеги валини‘ми ибн ‘Абд [ас-Самад-бек?]	ТСУ, 4а (поля); МТ, 314б; ТДН, 784а; ТДТ, 295а
1843–1844	Мухаммад-Карим-бий абаклы Йаккабаги	Зафар-нама-йи Хусрави, 123б, 126б
1868	‘Абд ар-Рахим, внук Йадгар диванбеги	ТДТ, 716а
1870 (?)	Мухаммадкули/Мухаммади токсаба[й] б. Субханкули Йаккабаги	ТДТ, 716б, 757а
1906	Джахангир-бек бий дадхак	Кюгельген А. фон, 114

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И СИМВОЛОВ

АТ	[Саййид ‘Умар-бек б. Худайар-хан]. Анджум ат-таварих. Рук. № 11366 ИВАН РУз.
Егани и Чехович	Егани А. А., Чехович О. Д. Регесты среднеазиатских актов (Материалы к сводному каталогу актовых источников в собраниях СССР). – ППВ. 1975. М., Наука, 1982.
Зафар-нама-йи Хусрави ИВАН РУз.	Зафар-нама-йи Хусрави. Рук. № 95 ИВАН Таджикистана.
Кюгельген А. фон	Кюгельген А. фон. Легитимизация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Пер. с нем. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
МТ	Мухаммад-Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. Рук. С 470 СПбО ИВ РАН.
МФ	Тора-ходжа Андиджани. Мир’ат ал-футух. Рук. № 5422 библиотеки А.А. Семенова при Институте истории АН Таджикистана.
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
Радлов В. В. Из Сибири	Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. К. Д. Цивинной и Б. Е. Чисовой. Примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна... М.: Наука, 1989.
ТАМ	Мухаммад Йа‘куб бен Амир Данийал. Та’рих-и амиран-и мангитийа. Рук. № 2726/1 ИВАН РУз.
Та’рих-и ава’ил-у-авахир	Му‘ини. Та’рих-и ава’ил-у-авахир. Рук. № 629 ИВАН Таджикистана.

Та'рих-и амиран-и мангит-и Бухара	‘Алим-хаджа Мушриф Бухари. Та'рих-и амиран-и мангит-и Бухара. Рук. № 2354 ИВ АН Таджикистана.
Та'рих-и салатин-и мангитийа	Мирза Абд ал-Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангитских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания А. М. Епифановой. М.: Издательство восточной литературы, 1962 (Памятники письменности Востока. Тексты. Малая серия. XIV).
ТДН	Мулла ‘Аваз Мухаммад Хуканди. Та'рих-и джахан-нама. Рук. С 439 СПБО ИВ РАН.
ТДТ	Мухаммад Салих-хаджа Ташканди. Та'рих-и джадида-йи Ташканд. Рук. 7791 ИВАН РУз.
Тирмизи С. Дастур ал-мулук	Ходжа Каландар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персидского, предисловие, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1971.
ТСУ	Та'рих-и салатин-и узбакиййа-йи аштарханиййа ва мангитийа. Рук. № 112/I ИВАН РУз.
ТТХ	Мулла ‘Аваз Мухаммад Хуканди. Та'рих-и джахан-нама. Том второй (ранняя версия Тухфат ат-таварих-и хани). Рук. № 9455/ I ИВАН Узбекистана.
Убайдулла-наме	Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с таджикского с примечаниями члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР профессора А. А. Семенова. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1957.
ХУМ	Мулла Джум‘акули “Хумули” Ургути. Та'рих-и Хумули. Рук. № 37/VI ИВАН РУз.
ШУ	Мирза Каландар Исфараги. Шахнама-йи сУмар-хани. Рук. С 471 СПБО ИВ РАН.
Tarikh-i-Manazili-Bukhara	Hafiz Muhammad Fazil Khan. Tarikh-i-Manazili – Bukhara. Translated & Edited by Iqtidar Husain Siddiqui. Srinagar, Centre of Central Asian Studies, 1982.